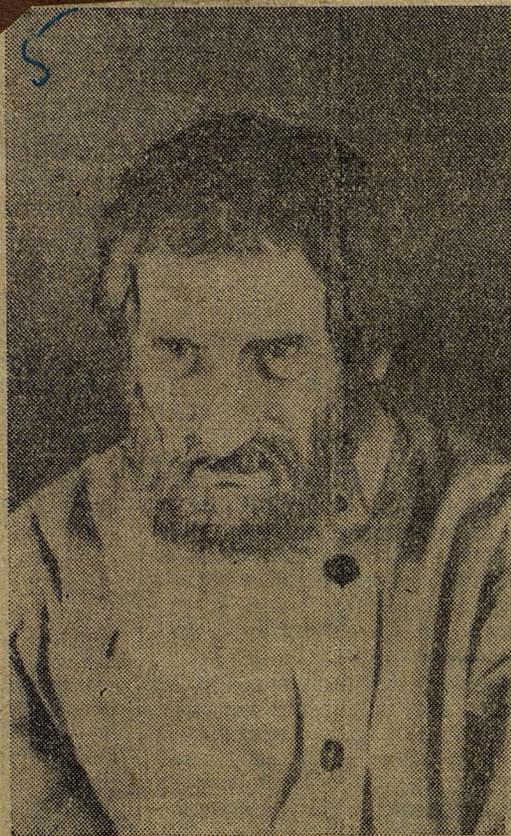

Конвалевский Михаил
Владиславович

На снимке: Михаил Владиславович Конвалевский в роли Акима в пьесе Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

30 лет на сцене

На недавно состоявшейся зрительской конференции в Советском театре много раз упоминалось добрым словом имя Михаила Владиславовича Конвалевского. И каждый раз зрители долго и бурно аплодировали ему.

Популярность этого антера очень велика. И причина ее в том, что все образы, созданные Конвалевским, глубоко волнуют зрителей. Он никогда не гонится за внешними эффектами на сцене, не играет «на публику», а показывает своих героев изнутри. О нем говорят, что он «играет душой».

Характерна хотя бы совсем недавно сыгранная им роль Шмаги в известной пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые». (Кстати, в этой пьесе Михаил Владиславович за тридцатилетнюю жизнь в театре переиграл — и не однажды — все без исключения мужские роли, а во время постановки в Советске выполнил обязанности режиссера-консультанта, помогал советами и указаниями режиссеру К. Расторгуеву).

Нередко исполнители роли Шмаги сбиваются на чисто внешнюю характеристику героя: в дырявых башмаках, растрепанный и грязный, актер играет комика, сляясь любой ценой позабавить публику.

Совсем не таков Шмага в трантовке Конвалевского. Он немного, конечно, смешон, но более всего несчастен. И когда Шмага разглагольствует перед знаменитой Кручининой «о стесненных обстоятельствах», кляпча у нее деньги на выпивку, или когда он с пафосом декларирует о «призвании» артиста, мы видим человека с поистине трагической судьбой. Именно таким задумал Шмагу драматург. Создавая этот образ, он печалился о судьбе значительной части русской художественной интеллигенции своего времени, о судьбе актеров, вынужденных жить на подачки редких меценатов. Шмага — это крик наболевшей души драматурга. И Конвалевский — актер, всегда тонко понимающий психологию своих героев, прекрасно раскрывший внутренний подтекст роли.

Михаилу Владиславовичу свойствен дар перевоплощения, он актер — многогранный, многоплановый. Полковник-чекист, колхозный сторож, русский профессор-интеллигент, руководитель религиозной сенты «трясунов» — этот перечень можно увеличить в десятки раз,

и несмотря на такое разнообразие — никаких штампованных жестов и интонаций. Конвалевский знает в подробностях биографию каждого героя, осмысливает и чувствует логику его поступков.

Вот, например, Щупак — герой пьесы М. Зарудного «Чужой дом». Стяжатель и развратник, он старается отравить сознание молоденькой Тони, хитроумно расставляет свои сети. Конвалевский и здесь остается верен реалистической манере игры. Когда он, рассуждая о «грехе» отступничества перед религией, грозит девушке карами земными и небесными, перед нами отчетливо вырисовывается лицемер и хищник.

Сложны сюжетные перипетии пьесы, но Щупака, конечно, выводят на чистую воду, побеждают здоровые силы. Конвалевский убедительно раскрывает «щупанов» всех мастей. В создание этого образа актер вложил всю силу своей атеистической убежденности, ненависти к религии.

А вот — совсем другой образ: полковник государственной безопасности Малинин («Игра без правил», Л. Шейнина). Это — чекист из школы Дзержинского, верный его традициям, сохранивший, несмотря на тяжелые испытания, незапятнанной душу. Он внимательно анализирует факты, не торопясь с окончательными выводами, и терпеть не может поспешных, бесперспективных суждений. Всегда внутренне подтянутый, собранный, человек с чистой и красивой душой — таков Малинин в трантовке Конвалевского.

Дед Максим из «Лявоники на орбите» белорусского драматурга А. Макаенка — образ уже совсем иного плана. Что-то в нем есть от шолоховского деда Щукаря — мудрость и хитреца — и в то же время это типичный колхозник нашего времени. Надо глубоко знать жизнь, чтобы создать такой сочный образ.

Обо всех ролях не рассказав, да в этом и нет нужды: многие калининградцы скоро побываю на спектаклях театра г. Советска, посмотрят игру М. В. Конвалевского и сами оценят ее по достоинству.

М. ЮРЬЕВ,

МАШИНЫ ТРАДИЦИОННО
г. Калининград

12 МАЯ 1962